

Я вброд переходила реку,
Мне было восемнадцать лет.
Я улыбалась человеку,
Которого на свете нет.

Красавцем был он иль уродом,
Я не припомню, не пойму—
Мне вся земля казалась бродом,
Когда бежала я к нему.

Шёл вечер. И луна светила
Лучом холодного огня,
И чем я ближе подходила,
Тем дальше был он от меня.

Перепелица тонко плачет
Свою пернатую беду.
Кто скажет, что всё это значит—
Я до сих пор к нему иду!

Ты сегодня искать не стала
человека из сказки и сна:
жди до завтра—сойдёт с пьедестала
и собой заслонит как стена.
Он такой, что не скажет соседка
озорного, худого словца,—
лишь посмотрит печально и едко,
выпив горькую воду с лица.
Что прикажешь—он сделает былью,
рассыпая сады из горсти,
он тебя приведёт к изобилью,
лепестками устелет пути.
Ты другого такого не встретишь.
Озарит как звезда в темноте.
Он тебя, и сама не заметишь,
растворит, как серьгу в кислоте.

● ● ●
Мы будем говорить о времени другом,
ушедшем навсегда, загадочно манящем,
о незнакомом как о самом дорогом,
презрительно, увы, молча о настоящем.

Сравнением оскорбив сегодняшний приют
земного бытия, откажем во внимании
одной своей судьбе, и небеса прольют
не плоские слова поток непонимания.

Мы бродим с фонарём по солнечному дню,
мы гасим фонари в непроходимом мраке,
спасаясь от жары, торопимся к огню,
извергаясь и предав, мечтаем о собаке,
не ведая, что мы для тех, кто сменит нас,
блистательный пример, высокая награда,
и светлый образ наш спасёт в суровый час
кого-нибудь того, кого спасти не надо.

Зелёная земля легко выносит наш
неповторимый бред и странные поступки
и, лёжа близ морских солёно-горьких чаш,
меняет времена как сношенные юбки.

● ● ●
Невозможно удержаться,
не ответить на порыв.
Сколько может продолжаться,
испытание на разрыв?

Сладкой сказочкой старинной
тешим слабые сердца.
Чёткий опыт жизни длинной
всё доводит до конца:

через нежности и страсти,
столкновения гордынь,
пробу безграничной власти—
прямо к страху

— Не остынь!

Это жадное желанье:
сердцем к сердцу—навсегда.
Это жалкое страданье
и сгорание со стыда,

одиночество, забота,
чтобы взгляд не рассказал,
чтоб четвёртый, пятый кто-то
голой правды не узнал.

● ● ●
Целоваться погоди—
Посторонних много глаз.
Погляди-ка, погляди:
Смотрит горница на нас.
Смотрит белое окно,
Всё в прозрачных кружевах,
И льняное полотно
В ярко-красных петухах.

Печь стоит; разинув рот,
Любопытствуя, притих
Даже старый серый кот.
Целоваться ли при них?
Нам казалось—мы с тобой
Ото всех сбежали глаз
В дом под крышей голубой,
Но и тут глядят на нас.

Целоваться погоди—
Посторонних много глаз.
Погляди-ка, погляди:
Смотрит горница на нас.
А куда нам счастье деть?
Как любовь припрятать нам?
Может, просто—не глядеть,
Не глядеть по сторонам?!

● ● ●
Любовь моя последняя,
надежды пригубя,
как девочка соседняя,
стесняется себя,

молчит, не открывается,
сгорает со стыда,
с откоса обрывается
неведомо куда;

задумчивая,
верная обруч...
облучена,
обречена, как первая,
но не огорчена—

готовая, согласная
в лихом огне сгореть,
самой себе опасная
порывом умереть.